

ВОЕННАЯ БОЕВАЯ
ФАНТАСТИКА

Цикл
А. Ярославцева
ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА

Обманутый и оскорбленный
Испытание на прочность

А. ЯРОСЛАВЦЕВ

ИСПЫТАНИЕ НА ПРОЧНОСТЬ

Москва

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

В ТИШИ ИМПЕРСКИХ КАБИНЕТОВ

Пользуясь правом доклада королю в любое время дня и ночи, министр-президент Пруссии Отто фон Бисмарк почти ежедневно посещал кабинет монарха. При этом он не испытывал никакого желания покрасоваться своим новым положением перед чопорными придворными. Прагматик до мозга костей, фон Бисмарк был совершенно далек от столь глупых и пустых человеческих страстишек. Главной и единственной целью его жизни было беззаветное служение великой идее объединения всех германских земель под эгидой Пруссии. И так совпало, что та же идея пришлась глубоко по сердцу новому прусскому королю Вильгельму, недавно сменившему своего почившего брата Фридриха Вильгельма.

«Правитель всегда должен крепко держать власть в своих руках, иначе он рискует ее потерять», — гласило наставление Фридриха Великого своим потомкам. И правдивость слов великого монарха доказала вся последующая история прусского королевства.

Король Фридрих Вильгельм был пылкой и легко увлекающейся натурой, которая не находила удовлетворения в спокойном и размеренном течении государственных дел. Наследовав трон, он постоянно жил в каком-то внутреннем возбужденном состоянии,

искавшем внешнего выхода. Попав под влияние своих придворных, король энергично брался за реализацию сверхважного проекта, который должен был прославить имя прусского монарха, однако проходило какое-то время, и Фридрих бросал первый проект ради другого, более грандиозного и заманчивого. Логичным результатом подобного образа правления стало возникновение анархии и путаницы в королевском аппарате, породивших революционные брожения в стране. Почувствовав слабость королевской власти, буржуа и депутаты ландтага немедленно потребовали провозглашения конституции, которая серьезно ослабляла силу монарха.

Будучи напуган всплеском революционных волнений и боясь их дальнейшего разрастания, король был вынужден пойти на некоторые конституционные уступки, однако этим он только еще больше раззадорил аппетиты революционеров. Одержав одну победу, они стали говорить о необходимости проведения более глубоких политических реформ в Пруссии, итогом которых было бы полное устранение монархии и провозглашение парламентской республики.

Очень многие из депутатов прусского ландтага хотели видеть свою страну республикой. Многие, но только не Отто фон Бисмарк. За то время, которое он провел на заседаниях Германского союза, в его душе созрело твердое убеждение, что только железная рука могучего правителя способна преобразовать разномастные германские государства в одну могучую державу.

Твердая воля, подкреплённая острыми штыками, может заставить этих говорливых болтунов забыть о сиюминутной выгоде и пожертвовать ею ради общего блага единой и неделимой Германии. И именно таким правителем, по мнению Бисмарка, был прусский король Вильгельм, унаследовавший власть после скоропостижной смерти брата от сильного психического припадка.

Новый правитель не был выдающейся личностью, не обладал пылкой фантазией и подкупающими манерами своего предшественника. Вильгельма не готовили к вступлению на прусский трон, и он получил чисто военное воспитание, что наложило сильный отпечаток на его манеру общения с людьми. Из-за этого для многих своих приближенных он стал олицетворением образа бравого прусского капрала, что было не очень далеко от истины. Однако при этих недостатках король обладал большой усидчивостью, твердой волей, упорством в достижении своих целей, а также способностью угадывать таланты окружавших его людей. Ему было достаточно только одной беседы с сорокалетним Бисмарком, чтобы сразу разглядеть в нем недоюжинный политический ум, готовый к проведению больших государственных преобразований. Почувствовав в Бисмарке родную душу, которой дороги ценности старой Пруссии, король рискнул доверить ему бразды правления государством в столь непростое для страны время и не ошибся. Первым шагом, который сделал Бисмарк за первые недели своего пребывания на посту министр-президента, было внесение законопроекта, предполагавшего проведение кардинальных изменений в прусской армии.

Следует сказать, что армия для короля Вильгельма была главным смыслом жизни. Ею он дышал, ее он боготворил и ради нее был готов пойти на любые жертвы. Однако при столь пылкой и самозабвенной любви к армии новый монарх имел трезвую голову и холодный рассудок.

Вопреки обычному мнению об обязательной прусской муштре, любовь короля Вильгельма к собственной армии простиралась гораздо дальше привычных парадных маршей и показательных разводов караулов. Все это проводилось исключительно в угоду досточтимой публике и иностранным наблюдателям. Сам Вильгельм

видел в армии тот универсальный инструмент, с помощью которого он намеревался шагнуть гораздо дальше, чем его предшественники — все вместе взятые.

Еще будучи главнокомандующим прусской армии при правлении брата, Вильгельм уделял главное внимание военным маневрам, стремясь сделать из своих солдат и офицеров таких воинов, которые четко и быстро исполняли любой приказ своего командира. Ему нужна была первоклассная армия, стальные штыки которой позволили бы не только на равных говорить с австрийским императором, но и, если это понадобится, нанести ему поражение.

Австрийская империя всегда была непреодолимой преградой на пути к созданию единого немецкого государства. Существование Священной Римской империи, состоявшей из множества разрозненных мелких германских территорий, королевств и княжеств, было крайне выгодно венскому двору, всегда имевшему в парламенте этого аморфного государства решающий голос.

Для действенного противостояния мощному влиянию Габсбургов внутри Германского союза не только словом, но и делом прусскому правителю была нужна армия нового образца, и именно реформу по ее созданию предлагал Бисмарк королю Вильгельму. Согласно плану канцлера предполагалось распустить прусское ополчение ландвер, чьи боевые качества были очень низки и совершенно не годились для проведения наступательной войны. Вместе с этим Бисмарк предусматривал увеличение числа линейных полков вдвое, а срока действительной военной службы с двух лет до трех. Для покрытия издержек на военную реформу премьер предложил повысить налоги на 25% и обложить податью дворянские земли.

Вильгельм с радостью поддержал столь близкое его сердцу предложение, но оно сразу встретило ожесточен-

ное сопротивление прусского ландтага, большинством голосов в котором располагала партия прогрессистов. Они отвергали саму идею реорганизации прусской армии до проведения политических реформ, превращающих Пруссию в парламентское государство. Когда военный министр фон Роон только приступил к первичной консультации с парламентариями, прогрессисты сразу объявили, что будут настаивать на том, чтобы значительно урезать ассигнования на армию.

Никакие уговоры и тайное давление на депутатов ландтага не могли помочь Вильгельму сдвинуть дело с мертвой точки. Чувствуя шаткость позиций нового короля, парламентарии стояли насмерть, не боясь идти на открытый разрыв с правительством. Действия непокорных либералов получили широкую поддержку среди гимназической молодежи и рабочих, которые, помня революционные события 1848 года, стали активно вступать в стрелковые союзы, намереваясь с винтовкой на плече отстаивать свои демократические идеалы.

Для достижения своих целей Вильгельму требовалось применить силу, что было очень рискованным шагом. Парламент мог напрямую обратиться к народу за поддержкой, и тогда революционный кошмар с вооруженным противостоянием власти и народа мог вновь вернуться на берлинские улицы с совершенно непредсказуемым для Вильгельма итогом.

Не нужно было быть провидцем, чтобы предсказать обязательное вмешательство венского императорского двора во внутригерманские дела на вполне законных правах. Австрийский кабинет давно вынашивал план об отторжении от прусского королевства Берлина и рейнских земель, что автоматически исключало пруссаков из состава Священной Римской империи.

Однажды уже испытав унижение во время бегства от разъяренной революционной толпы берлинцев, Виль-

гельм не хотел вновь оказаться в Лондоне в качестве политического изгнанника. Сейчас он был в положении стрелка, имеющего право только на один выстрел, и он должен был попасть точно в цель.

Прусский правитель не был трусом и был готов вступить в борьбу с парламентом до конца, но для достижения успеха ему как воздух была нужна поддержка сильного союзника со стороны, который в случае необходимости мог бы охладить воинственный пыл австрийцев вмешиваться во внутренние дела соседа.

Ни одно из соседних государств не было заинтересовано в усилении Пруссии, но недавно возникшая война объединенной Европы против России буквально подталкивала Берлин и Петербург в объятия друг к другу. По крайней мере, так уверял Бисмарк своего монарха после тайной встречи с Горчаковым, специальным посланником императора Николая. Со стороны русского императора, внешняя политика которого долгое время была обращена исключительно в сторону Вены, это был совершенно неожиданный шаг.

Как опытный политик, Бисмарк вначале с большой осторожностью отнесся к инициативе Александра Горчакова навести мосты дружбы между двумя странами, справедливо подозревая какой-то тайный дипломатический ход со стороны канцлера Нессельроде, ярого сторонника дружбы с австрийцами. Однако уже после первых встреч с Александром Михайловичем он быстро убедился в серьезности намерений русской стороны, и переговорный процесс начался.

Горчаков был опытным дипломатом и не спешил открывать все свои карты перед пронырливым пруссаком. Любезно общаясь с Бисмарком за чашкой кофе, он, подобно опытному фехтовальщику, неспешными и осторожными выпадами прощупывал позицию своего партнера по тому или иному вопросу. Бисмарк также не

оставался в долгу, пытаясь всесторонне выяснить, как далеко готов шагнуть Петербург на этих тайных переговорах.

Неизвестно, как долго продолжались бы эти кофейные рауты, если бы обоих переговорщиков не подгоняло время. В спину Александру Михайловичу дышала война с двумя сильнейшими противниками, реформам Бисмарка преграждал путь несговорчивый ландтаг. Момент истины неотвратимо приближался, и первым не выдержал Бисмарк. Отбросив в сторону дипломатический этикет полунамеков и недоговариваний, прусский премьер открыто заговорил о тех условиях, при соблюдении которых прусская сторона могла бы быть полезна России.

На дворе стояла последняя декада марта, и ласковое весеннее солнце светило в окна королевского дворца в Потсдаме, когда министр-президент прусского государства переступил порог королевского кабинета с докладом о результатах своих переговоров с посланцем русского царя.

— У меня для вас хорошие новости, ваше величество, — сразу начал разговор Бисмарк, отбросив в сторону дворцовый этикет (как истинный вояка, Вильгельм ненавидел все это пустое сотрясение воздуха). — Император Николай готов поддержать любые ваши действия по наведению внутреннего порядка в стране. Любые, — многозначительно подчеркнул Бисмарк, и от осознания всего сказанного и несказанного на душе у Вильгельма сразу стало радостнее.

— В случае крайней необходимости, для подавления вооруженных выступлений наших подданных, объятых революционными идеями, русский царь готов направить в Пруссию войска, естественно, полностью переподчинив их вашему командованию. Срок их пребывания на нашей территории будет зависеть только от вас и ни от кого другого.

— Что хочет получить взамен мой царственный брат? — поинтересовался прусский король, хорошо понимая, что на безвозмездный подарок, подобный тому, который сделали русские австрийскому императору в 1848 году, ему рассчитывать не следует.

— Заключения между нашими странами договора о военном союзничестве сроком на пять лет, с возможной пролонгацией его еще на пять лет.

— Попросту говоря, с помощью наших штыков Николай желает основательно припугнуть господ австрийцев? Милое дело, ничего не скажешь, — произнес король, моментально уловив главную суть русского предложения.

— Совершенно верно, ваше величество. Императору Николаю как никогда нужно найти хороший противовес венскому двору, который не так давно присоединился к англо-французскому меморандуму против России.

— Возможно, нам не следует спешить с заключением этого договора? — осторожно спросил Бисмарка король. — Парижу и Лондону, вне всякого сомнения, не понравится наше сближение с Петербургом.

— Конечно, не понравится, — быстро согласился с ним Бисмарк. — Однако никаких реальных шагов против нас ни одна из великих держав предпринять не сможет. Франция основательно увязла под Севастополем и вряд ли сможет послать еще одну армию к нашим западным границам. Англия также направила в Крым все свои силы, оставив себе солдат для охраны королевы и поддержания порядка в Ирландии. В этих условиях Вена не рискнет действовать против нас в одиночку, тем более если за нашей спиной будут русские штыки.

Сидя за массивным письменным столом из орехового дерева, Вильгельм не торопился высказывать своего мнения, сосредоточенно покручивая свои жесткие усы. Как ни высоко ценил король мнение Бисмарка, он хо-

тел убедиться в правильности сказанных им слов. Воспользовавшись молчанием монарха, премьер, уже все для себя решивший, открыл свою папку для докладов и стал говорить уверенным голосом:

— Конечно, самым благоразумным для нас было бы остаться в стороне от большой войны и, положившись на волю божественного провидения, попытаться самим решить наши проблемы. Как говорят русские, лучше синица в руках, чем журавль в небе. Однако сведения, поступающие от барона Корстена из Парижа, заставляют задуматься об ином. Та угроза, о которой я вам докладывал два месяца назад, полностью подтвердилась. Все наши французские информаторы в один голос утверждают: у императора Наполеона очень серьезные планы по перекройке нынешних границ Европы. И, что самое скверное для нас, в основном это произойдет за счет германских земель. Согласно самому последнему сообщению, на последнем заседании тайного совета империи Наполеон открыто заявил, что западная граница его государства должна проходить исключительно по Рейну, как это было во времена Первой империи.

Гневная гримаса на лице короля Вильгельма была ответом Бисмарку на его слова. Прусский монарх как никто другой знал, что его армия в своем нынешнем состоянии не сможет оказать достойного сопротивления алчному соседу, если на Рейне начнутся военные действия. Главная причина ее немощи заключалась в том, что рейнские провинции прусского королевства были полностью отрезаны от главных владений короны землями других немецких княжеств и королевств. Этот важный географический фактор не позволял пруссакам в случае военного конфликта с Францией быстро перебросить свои войска на защиту рейнского анклава. Разрозненность германских земель делала их легкой и заманчивой добычей для французского императора,

который жаждал реванша. Только наличие сильной и крепкой армии могло заставить агрессивного соседа умерить воинственный пыл.

Вильгельм крепко стиснул пальцы рук, и Бисмарк и как ни в чем не бывало продолжил чтение бумаг.

— Кроме того, французский император намерен существенно изменить послевоенные границы и на востоке Пруссии. Так, на встрече с представителями польской эмиграции в Париже, под громкие крики присутствующих, император торжественно провозгласил себя главным покровителем всех поляков и клятвенно пообещал восстановить государственность Польши в границах Варшавского герцогства тысяча восемьсот двенадцатого года, включая Познань, Данциг, Торунь.

При этих словах Бисмарка на лице прусского монарха вновь отразилось недовольство. Все перечисленные докладчиком города и земли отошли к Пруссии в 1815 году по решению Венского конгресса.

— А что же Краков? — сварливо поинтересовался король о судьбе польских земель, отошедших во владение австрийцев по решению того же конгресса.

— Император также включил их в состав польского государства.

— Одно только и радует, что не одни мы понесем убыток от планов Луи Наполеона. Он явно хочет если не превзойти своего великого предшественника, то по крайней мере достичь такой же воинской славы.

— Ничуть не удивлюсь, если свое решение о восстановлении Польши французский монарх принял под влиянием какой-нибудь молоденькой полячки с пламенным сердцем, — едко пошутил Бисмарк, намекая на известный роман императора Наполеона с Марией Валевской, но король не поддержал его иронию.

— С его стороны подобные заявления очень неосмотрительны. Ну, хорошо, нас он хочет наказать за дей-

ствия моего отца в тысяча восемьсот тринадцатом году, когда с приходом русских войск Пруссия изменила союзу с Бонапартом и обратила против него оружие. Но делать подобный выпад против Австрии, которая сейчас является его союзником против русских, — это очень странный и не вполне понятный ход.

— На мой взгляд, император Наполеон вообще не считает Австрию своим союзником на континенте, ваше величество. Стремясь расширить свои южные границы, он активно ведет переговоры с Сардинским королевством, обещая итальянцам военную помощь в борьбе с австрийцами за северные провинции Италии. Взамен он требует от Кавура Пьемонт и Савойю.

— Неплохой аппетит у этого созидателя новой империи, — холодно молвил король, вновь сжимая свои кулаки. В свои шестьдесят лет Вильгельм не утратил былой силы и выносливости, которой мог позавидовать любой прусский капрал. — А что наш любезный кузен Николай? Как идут дела у него в борьбе с врагами? — спросил король Бисмарка.

— Положение русских, конечно, не столь блестящее, как они того хотели, но и не столь плохое, как желали бы видеть королева Виктория и император Луи. Севастополь продолжает стойко держаться, прочно приковывая к себе все англо-французское войско. Каждый месяц его осады вызывает ропот недовольства как в Париже, так и в Лондоне и одновременно вбивает клин разногласия между императором Наполеоном и лордом Пальмерстоном.

— Вот как? Интересно.

— Наполеон прекрасно видит, что все планы британского премьера по разделу России потерпели полное фиаско. Финляндия и Польское царство, вопреки надеждам британцев, не поднимают восстаний. Нет волнений среди казаков Украины и татар в Крыму. Высту-